

Светлана Лубенец

БАБОЧКА ИЗ ПОДНЕБЕСНОЙ

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л 82

Разработка серийного оформления *Андрея Старикова*

Лубенец С.

Л 82 **Бабочка из Поднебесной : повесть / Светлана Лубенец. — М. : Эксмо, 2014. — 192 с. — (Любовь + Путешествия).**

ISBN 978-5-699-66538-9

Ника поехала на каникулы в Китай. Чудесный остров Хайнань встретил ее пальмами, солнцем и ласковым морем. В путешествии девушка надеялась склеить свое разбитое сердце — одноклассник, в которого она была влюблена, не пришел на свидание и сделал вид, что они чужие друг другу. Но Китай приготовил девушке неожиданный сюрприз — на отдыхе Ника встретила... ну конечно же, с Глебом — красавчиком, который так подло с ней поступил. Правда теперь он вовсе не кажется таким неприступным и готов даже снова приударить за девушкой. Вот только Ника уже начала влюбляться в другого... Выбор оказался чрезвычайно сложен. Решить девушке помогла... нефритовая бабочка!

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-66538-9

© Лубенец С., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

С благодарностью Нине Карапетян

Китайская притча о хрупких игрушках

Как-то в одно селение пришел и остался жить старый мудрый человек. Он любил детей и проводил с ними много времени. Еще он любил делать им подарки — прекрасные игрушки. Они были всем хороши, только слишком хрупкие. Как ни старались дети быть аккуратными и осторожными, их новые игрушки часто ломались. Дети огорчались и горько плакали. Проходило какое-то время, мудрец снова дарил им игрушки, но еще более хрупкие, чем предыдущие.

Однажды родители не выдержали, пришли к нему и спросили:

— Ты мудр и желаешь нашим детям только добра. Но зачем ты делаешь им странные подарки? Игрушки так прекрасны, что не играть с ними невозможно. Дети изо всех сил стараются их сохранить, но они все равно ломаются, и дети плачут.

— Пройдет совсем немного лет, — ответил старец и улыбнулся, — и кто-то подарит каждому из них свое сердце. Пусть они заранее научатся беречь прекрасное, дорогое и очень хрупкое!

Вероника Томилина захлопнула книгу и посмотрела на полочку секретера, где находилась ее коллекция крошечных стеклянных игрушек. Она началась с совенка — пестрого стеклянного шарика, величиной с ягоду вишни. К шарiku в виде вытянутых капелек были приделаны маленькие крылышки, ножки и забавные бровки домиком. Прозрачный желтый хвостик был похож на детскую лопаточку, а глазки, белые бусинки с черными точками зрачков, очень лукаво поблескивали. Совенка однажды принес Нике отец, чтобы порадовать — она тогда долго болела ангиной. Потом мама Алла подарила прозрачного слоника с голубоватыми ушами и весело задранным вверх хоботком, величиной куда меньше совенка. А после Ника уже сама покупала на свои карманные деньги разные фигурки. Главным критерием была миниатюрность. На полочке стояла маленькая оранжевая коровка с тонюсенькими рожками, симпатичный черный щеночек с белыми ушками, полосатый кот с самым хитрющим выражением усатой мордочки, пятнистая лягушка и лисичка с хвостом, похожим на оранжевый леденец. Конечно, Ника уже вышла из того возраста, когда играют в зоопарк или цирк, и потому игрушки спокойно стояли на полке, но даже просто чистить их надо было очень осторожно. Именно стирая пыль, Ника нечаянно обломала у белочки лапки, которыми та сжимала золотой орешек, и хвостик у голубой губастой рыбки. Отец приклеил белочке и рыбке отломанные части,

но место склейки прозрачных фигурок все равно бросалось в глаза, и потому увечные игрушки были задвинуты вглубь полки на второй план и, возможно, здорово грустили.

Ника представила свое собственное сердце в виде леденцово-прозрачной вещицы, которую исполосовывали клеевые шрамы: вроде оно и целое, но в любой момент готово снова развалиться на части. Никино сердце разбил одноклассник Глеб Долинский. На новогодней дискотеке все медляки он танцевал с ней, потом, провожая до дому, долго сжимал в своей ладони ее пальцы и предложил встретиться в следующее воскресенье, чтобы поехать кататься на лыжах в Парголово. Он даже назвал время, когда с вокзала отправляется электричка, и пообещал, что будет ждать Нику возле платформ у киоска с сувенирами. Задышающаяся от невыразимого счастья Ника не могла не согласиться. Глеб, высокий, спортивный, черноволосый и яркоглазый, нравился ей давно, как, впрочем, и всем остальным девчонкам их класса.

Два дня до воскресенья в ожидании поездки Ника провела в нечеловеческом напряжении. Занятия в школе в преддверии праздника уже закончились, а номерами телефонов они с Долинским не обменялись. Нике оставалось только ждать. Конечно, можно было поинтересоваться телефоном Глеба у кого-нибудь из одноклассников, но девочке не хотелось никого посвящать в свою тайну. Даже своей задушевной подруге, Томке Звягиной, Ника ничего не говорила о том, что давно уже

симпатизирует Долинскому. Конечно, после дискотеки Томка сразу же потребовала от подруги дать объяснения, какие такие отношения у нее завязались с Глебом.

— Никаких, — ответила Ника, что, в общем-то, было правдой.

— Да ла-а-адно, — насмешливо протянула Звягина. — На дискотеке он от тебя ни на шаг не отходил, а потом вы вообще вместе куда-то смылись.

— Он просто проводил меня до дома.

— И все?

— И все!

— Не может такого быть!

— Представь — может!

— А зачем тогда провожать, если после новой встречи не предложить?

— Откуда я знаю...

— Так предложила бы сама!

— С ума сошла! — возмутилась Ника.

— А что такого? — не сдавалась Тамара. — На дворе двадцать первый век! Равноправие полов! И потом... ты же знаешь, у нас в классе каждая вторая девчонка умерла бы от восторга, если бы Глеб пошел ее провожать! И, уверяю тебя, ни одна не растерялась бы... А ты — настоящая ворона! Неужели тебе Глеб не нравится?

— Да так... Вроде он ничего... Я не думала об этом... — жалко пролепетала Ника.

Потом она хвалила себя за то, что ничего не рассказала подруге. Глеб Долинский не только не пришел на вокзал, где Ника битых два часа прождала его с лыжами в руках и промерзла при этом насквозь, но даже не посчитал нужным за все зимние каникулы как-то найти ее и извиниться. Замерзшая Ника даже легкой простуды не приобрела, но все каникулы чувствовала себя больной. Даже новогодняя ночь была для нее не в радость. Почти сразу после того, как часы пробили двенадцать и наступил новый год, Ника, сославшись на невыносимую головную боль, ушла спать, оставив в полной растерянности родителей и гостившую у них семейную пару — друзей отца и мамы Аллы.

Ника очень ждала, что в первый же школьный день после каникул Долинский объяснит ей свое непорядочное поведение, но Глеб даже не удостоил ее внимательным взглядом. Девочка поняла, что он не помнил о назначенном ей свидании на вокзале. Это было хуже всего. Она-то придумала для него кучу оправданий, а он банально забыл о том, что ей предлагал. Одноклассница Вероника Томилина ничего для Глеба Долинского не значила. А на дискотеке он, похоже, просто развлекался.

Вечером того дня Ника рыдала дома в подушку до тех пор, пока не пришли с работы родители. Ей пришлось опять изобразить из себя больную, чтобы не объясняться на предмет красных глаз и носа. Мама Алла совала ей градусник и грозилась вызвать врача, но

Ника убедила ее подождать до следующего дня. Утром девочка взяла себя в руки, нос и глаза приобрели нормальный здоровый цвет, и вопрос о враче был снят с повестки дня. Но все внутри Ники так закаменело, что даже мешало дышать. Тогда она не очень понимала причину постоянного дискомфорта внутри собственного организма. Теперь стало ясно, что ее мучило разбитое сердце. Сейчас тупая ноющая боль уже почти ушла. Видимо, раны зарубцевались. Оно и понятно. Ника изо всех сил искала себе занятие, которое могло бы отвлечь ее от печальных размышлений, и увлеклась... китайским языком. Почему китайским? Она специально выбирала язык потрудней, чтобы мозг все время был занят делом и в нем не оставалось места для мыслей о Долинском. Неожиданно для себя Ника увлеклась и языком, и китайской культурой вообще. Вот как раз сейчас закончила читать книгу китайских народных сказок и притч. Просто так взяла в библиотеке — полистать, а оказалось, в детской, как она думала, книжке полно мудрых мыслей. Одна эта притча о хрупких игрушках чего стоит...

Ника еще раздумывала о хрупкости бытия вообще, когда услышала, как щелкнул замок входной двери. Она отложила книгу, улыбнулась прозрачным игрушкам из своей коллекции и вышла в коридор. Там переобувался ее отец.

— Привет, папа! — поздоровалась с ним Ника.

— И тебя приветствую, дочка! — отозвался Николай Иванович и окинул ее непонятым взглядом.

— Пап! Ты чего так странно на меня смотришь?

— Странно? Пожалуй, не странно, а заговорщицки!

— И в чем же будет состоять наш с тобой разговор? — удивилась девочка.

— Ну, ты даешь! Забыла, что ли? — притворно возмутился Николай Иванович.

Ника, боясь поверить собственному счастью, прошептала:

— Неужели едем?

— Едем, дочка, едем!!

— Не может быть...

— Может! Я уже и путевки на нас переоформил!

А дело было в том, что сослуживец отца Ники собирался ехать отдыхать всей семьей в Китай, но серьезно заболела его жена, и от поездки им пришлось отказаться. Путевки он предложил Николаю Ивановичу. Поскольку они были выписаны на другие имена, Никитному отцу пришлось побегать, чтобы в короткий срок уладить все формальности.

— С ума сойти... — Ника все еще была не в силах бурно изъяслять свою радость. — Получается, что мы прямо послезавтра вылетаем?

— Именно, послезавтра! Так что давай-ка начнем собираться прямо сейчас!

— И мама с нами? — с надеждой спросила Ника.

Отец покачал головой, притянул дочь к себе, чмокнул в щеку и ответил:

— Ты же знаешь, что ей завтра надо лететь на конференцию в Москву!

— Я надеялась, что она передумает...

— Как она может передумать, если ей надо там делать доклад?

Мама преподавала в химико-фармацевтической академии и вместе со своими студентами должна была читать в Москве доклад на тему «Интродукция¹ лекарственных растений». Они так долго добивались приглашения на эту московскую конференцию, что было бы странно, если бы мама вдруг отказалась от нее даже ради поездки в Китай.

— Выше нос, дочь! — провозгласил Николай Иванович. — Мы еще не раз отдохнем все вместе. А Китай нельзя же было упускать! Мне кажется, тебе иероглифы даже снятся!

Ника наконец рассмеялась.

Когда Томилины уже почти доехали до аэропорта, Николай Иванович вдруг обратился к дочери:

¹Интродукция растений — выведение растений в местности, где они раньше не произрастали.

— Я тебе не сказал самого главного, Никуша! Мой сослуживец, ну... Петр Егорович, на путевки которого мы едем, одну все же оставил за своим сыном, Стасом. Очень попросил за ним поприглядывать. Я согласился. Стасик — твой ровесник, думаю, особых проблем с ним не будет, а тебе — веселей. Не так ли?

Ника пожала плечами.

— Не знаю, папа. Ты когда-нибудь видел этого Стасика?

— Нет, не приходилось. Мы же не друзья с Петром. Так... работаем вместе...

— А вдруг он противный?

— Ну... уж как-нибудь выдержим...

— Постараемся... Ведь получается, что его семья устроила нам эту поездку. Мы их должники!

— Вот именно!

Как только Ника с Николаем Ивановичем вышли из такси, к ним подошли высокий худощавый мужчина и такой же длинный, худой парнишка.

— Здравствуйте! — радостно поприветствовал их мужчина. — А мы уж минут пятнадцать вас ждем! Вот, знакомьтесь, мой сын Стасик!

— Стас, — буркнул Стасик.

— Стас, так Стас! — легко согласился Никин отец и в свою очередь представился сам, а затем представил и дочь.

Взрослые тут же заговорили о билетах, контроле, багаже, предоставив Нику и Стаса друг другу.

— Тебе не нравится, когда тебя зовут Стасиком? — спросила Ника, чтобы как-то завязать разговор. Раз уж им придется провести вместе столько времени, пора начинать дружить.

— Не нравится, — буркнул парень. — Ясельное имя...

— Я тебя понимаю. Я тоже не очень люблю свое имя.

— А ты-то почему? — удивился Стас. — Вероника — очень красиво звучит!

— Имя-то красивое, согласна, но первая его часть, Вера, меня раздражает.

— Странно... Почему вдруг? Нормальное имя.

— Потому что это имя моей настоящей матери...

— И что?

— А то, что она нас с отцом бросила, когда мне было четыре года. Я ее почти и не помню. Меня вырастила папина вторая жена. Я ее мамой называю. Мамой Аллой! Смешное бы получилось имя от Аллы и Николая — Алланика.

Стас скупой улыбнулся и сказал:

— Вовсе и не смешное, а необычное! Можешь, кстати, Веронику на него и сменить!

На этом разговор иссяк, но, к счастью, взрослые наконец решили главные вопросы, и все отправились в здание аэропорта.

В самолете Ника и Стас общались мало. Оказалось, что девочка очень плохо переносит перелет, особенно воздушные ямы. Она так измучилась, что, в конце концов, крепко заснула, укрывшись пледом. В аэропорт города Санья они прилетели в два ночи по московскому времени, и потому отдохнувшая Ника чувствовала себя гораздо лучше, чем отец и Стас, которые здорово утомились. Между тем по местному времени было еще только десять часов вечера.

Когда Ника вышла из прохладного салона самолета, где работали кондиционеры, ей показалось, что она попала в сауну. Было полное впечатление того, будто лицо облепила теплая влажная салфетка. Девочка вытерла щеки и лоб сначала ладонью, потом носовым платком, но лучше не стало. Духота снова окутала ее плотной влажной тканью. Воздух был неподвижен и казался таким плотным, хоть кусай. Незаметно от других Ника даже сделала кусательное движение. Зубы так громко и смешно клацнули друг о друга, что девочка с опаской посмотрела на своих спутников. Ей не хотелось, чтобы над ней посмеялись, но, похоже, и отцу, и Стасу было не до нее. Они с интересом озирались

